

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ О РУССКОЙ ИДЕЕ

Антипов Г. А.

*Доктор философских наук, профессор
Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ»,
(Новосибирск, Россия)*

УДК 130.2

Тема русской идеи – одна из основных в русской философской традиции. Владимир Соловьёв первым придал ей характер национальной идеи, то есть стал трактовать её как форму национальной идентификации. Содержательно она должна была давать ответ на вопрос о смысле существования России во всемирной истории. Согласно Соловьёву, национальное призвание россиян заключается в реализации идеала совершенного единства церкви, государства и гражданского общества как верного образа божественной Троицы.

Ключевые слова: национальная идея, смысл, идентификация, история

VLADIMIR SOLOVYOV ABOUT THE RUSSIAN IDEA

Antipov G. A.

*Doctor of Philosophical, Professor
Novosibirsk state University of Economics and management “NINH”
(Novosibirsk, Russia)*

The Russian idea is one of the key themes in the Russian philosophical tradition. Vladimir Solovyov was the first to give it the character of a national idea, that is, to interpret it as a form of national identification. It was intended to give a reminiscent answer to the question about the meaning of Russia's existence in world history. According to Solovyov, the national calling of Russians is to realize the ideal of perfect unity of the church, state and civil society as the true image of the divine Trinity.

Keywords: national idea, meaning, identification, history

«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [1, с. 220]. Эта чеканная фраза из статьи Соловьёва «Русская идея» содержит два онтологически фундаментальных плана. Во-первых, план, так сказать, этногенеза, национального самосознания. Во-вторых, решение вопроса о национальной идее следует искать не в общественном мнении сегодняшнего дня, но в «вечных истинах религии».

Существенно иная трактовка русской идеи представлена у Н. Бердяева. Она фигурирует в трёх ипостасях. Во-первых, как «формация русской души». Выглядит это так: «Религиозная формация души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремлённость к трансцендентальному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, например, к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты» [2, с. 9]. Таким образом, налицо абрис национально-психологического склада, каким он представлялся Бердяеву. Во-вторых, это некоторая концептуальная схема. Таковой выступает доктрина

«Москва – третий Рим», то есть представление об особой исторической миссии России. В третьих, русская идея рассматривается в качестве основного порождающего фактора для всей русской философской традиции. «Русская самобытная мысль, – писал он, – пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил творец о России, что есть Россия и какова её судьба» [2, с. 71].

На первый взгляд позиции Соловьёва и Бердяева альтернативны. Но так ли это, и во всех ли отношениях? Скажем, в общем контексте философии всеединства помимо Бога обнаруживаются и творящие силы иного порядка. К примеру, Соловьёв говорит: «Сверх силы всемирного тяготения идеальное всеединство осуществляется духовно-телесным образом в мировом теле посредством света и других сродных явлений (электричество, магнетизм, теплота), характер которых находится в таком явном контрасте со свойствами непроницаемого и косного вещества, что и материалистическая наука принуждена очевидностью признать здесь особого рода полувещественную субстанцию, которую называет эфиром. Это есть материя невесомая, всепроницаемая и всепроницающая – одним словом, «вещество невещественное» [3, с. 208].

Руководствуясь соображениями исключительно формы, подобные рассуждения следует квалифицировать понятиями типа «натурфилософия», «дуализм» и т. п. Но не надо спешить.

Владимир Соловьёв – первый, кто придал конкретные очертания обсуждениям путей поиска российской идентификации, отождествляя русскую идею с ответом на вопрос «о смысле существования России во всемирной истории». Предвечная мысль Бога о России, а значит и русская идея, национальное призвание россиян заключается в реализации идеала совершенного единства церкви, государства и гражданского общества как верного образа божественной Троицы.

Таким образом, русская идея по Соловьёву не является как будто сугубо идеологической формой в том смысле, что не редуцирует ответ на вопрос о «смысле существования России во всемирной истории» к действию так или иначе истолкованных «объективных законов». Её источник – «предвечное установление в плане Бога». Но, и здесь парадокс, рациональность и даже элементы научной рациональности сохраняют своё присутствие, ибо именно философ присваивает себе функции толкователя божественной воли, в частности, прибегая к аргументам, вроде следующего: единство человечества уже стало реальностью, данной эмпирически. Отдельные нации – это живые члены этого органического единства. «Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот её истинная национальная идея» [3, с. 220].

Суть выводов Соловьёва в том, что общечеловеческое, христианское начло должно довлеть национальному, а социально-политическое устройство, говоря современным языком, основано на либерально-демократических ценностях. Формой российской идентификации оказывается миссия реализации идеальной социальной организации. Россия должна преподнести миру урок, но не в отрицательном чаадаевском, а в позитивном смысле. Причём, новый парадокс, русская идея, чтобы стать национальной идеей, должна перестать быть русской, и, тем самым, национальной идеей.

В чём причина отмеченной парадоксальности рассуждений Владимира Соловьёва по поводу русской идеи? Представляется, она кроется в во многом сохраняющейся и до настоящего дня не выявленности объективного статуса социальной реальности. Именно данное обстоятельство заставляет говорить, с одной стороны, о Боге, с другой, к примеру, о «веществе невещественном». В современном Соловьёву философском дискурсе не было адекватных средств для интерпретации, скажем, ценностей, в плане их независимого от индивидуального сознания существования. Можно сказать, в манере Соловьёва, они имеют «объективно-субъективный» статус существования. Но, ясно, это не «объективность» материи в гносеологическом смысле. Ценности существуют в мире долженствования. Но это необходимости иного рода, нежели, природные законы. Ценности суть конечные основания выбора, формы человеческой свободы. И конечно, изначально их присутствие в человеческом

обществе теснейшим образом связано с религией, с Богом. Именно он и делает «не всё» дозволенным, вспомним к слову Достоевского.

Владимир Соловьёв, сделав общий вывод, близко подошёл к пониманию русской идеи в качестве объективной по своему социальному статусу культурной формы. Наиболее соответствующим подходом Соловьёва к толкованию русской идеи, в современном культурологическом дискурсе, было бы, думается, понятие культурного кода.

Список литературы

1. Соловьёв В. С. Русская идея // Соловьёв В. С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Правда, 1989. – С. 219–246.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271
3. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 133–216

РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Безик Ю. И.

кандидат военных наук,

*докторант кафедры внешних церковных сношений и общественных наук общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия
(Москва, Россия)*

УДК 2(26)

В докладе на основе изучения трудов русских религиозных философов отмечается, что отечественная духовная идеология, базировавшаяся на трудах В. С. Соловьёва и его последователей – Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, способствовала небывалому подъёму патриотизма в начале Первой мировой войны. В структуре управления российской армии имелся институт военного духовенства, который осуществлял религиозное воспитание военнослужащих, а в условиях войны неотъемлемой составляющей религиозного воспитания становилось патриотическое воспитание. Военное духовенство как носитель духовной идеологии играло важную роль в поднятии боевого духа военнослужащих, используя в том числе идеи русских религиозных философов в качестве теоретической базы.

Ключевые слова: русская религиозная философия, национальная идея, военное духовенство, Первая мировая война, Брусиловский прорыв, религиозное воспитание, патриотическое воспитание.

RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL IDEAS AS A NECESSARY ELEMENT OF THE RELIGIOUS EDUCATION OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Bezik Yu. I.

PhD of military sciences

*Doctoral student, Ss Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies,
(Moscow, Russia)*

The report, based on a study of the works of Russian religious philosophers, notes that the domestic spiritual ideology, based on the works of V. S. Solovyov and his followers, was N. A. Berdyaev and S.N. Bulgakov, contributed to the unprecedented upsurge of patriotism at the beginning